

В комнате Лю Цюаньфу сидел на кане, Лю Цюаньцзинь стоял рядом, а Ли-ши растерянно переминалась с ноги на ногу. Увидев, что Лю Яоцин входит, суровое выражение её лица смягчилось, и она поманила его к себе.

Мать и сын встретились у стены, и Ли-ши тихо сказала:

— Говорят, твой второй брат скучает по Юй-гэру и хочет забрать его к себе на несколько дней, чтобы тот погулял в городке.

— А вторую тётю не позвали, — сказал Лю Яоцин достаточно громко, чтобы все в комнате услышали.

Лю Цюаньфу прищурился и с сарказмом ответил:

— Цин-гэр, ты умный, зачем спрашивать? — Его слова были обращены не только к Лю Яоцину, но и к остальным, и звучали они крайне неуважительно. — Ничего не умеет, говорить не умеет, о себе не заботится. Если поедет в городок, опозорит нашу семью Лю.

Услышав это, Шэнь-ши перестала плакать, но не осмелилась возразить.

В последнее время Лю Яоцин активно занимался делами, и хотя работал вместе с Юй-гэром, он не обращал внимания на Шэнь-ши. Его вторая тётя была слабохарактерной, ещё до замужества её обижали, а после замужества всё осталось по-прежнему. В доме она была почти незаметна, как камень во дворе.

Видя самодовольное выражение лица Лю Цюаньфу, Лю Яоцин посмотрел на старика Лю. Тот, как обычно, курил трубку, но в его взгляде читалось одобрение. Он тоже презирал Шэнь-ши, считая, что она позорит семью.

— Всё-таки она мать Юй-гэра, — сказал Лю Яоцин, а затем резко сменил тему. — Дедушка, старший брат в последнее время ничего путного не делал, это правда? Я не буду перечислять всё, но сейчас он хочет отправить Юй-гэра в городок. Я против, если только второй брат не напишет письмо или сам не приедет за ним.

— Ты, парень, почему лезешь в чужие дела? Это желание второго брата, разве я могу его заставить? Цин-гэр, если не веришь, я прямо сейчас дам страшную клятву!

Лю Цюаньфу выпрямился и, как толстая лягушка, надавил на Лю Яоцину, его глаза горели уверенностью и праведностью.

Но Лю Яоцин не стал с ним спорить, а повернулся к старику Лю:

— Дедушка.

Сегодняшний разговор был бесполезен. Лю Цюаньюнь был родным отцом Юй-гэра, и никто не мог запретить ему забрать сына. Но Лю Цюаньфу вернулся и сразу начал кричать о том, что Юй-гэра нужно увезти. Лю Цюаньцзинь и Ли-ши пришли, старик Лю ещё не высказался, а Лю Яоцин уже вошёл в комнату.

Если бы он начал говорить, все поняли бы, что Лю Яоцин не отступит. Он не трогал Лю Цюаньюня, а напал на Лю Цюаньфу, и старик Лю, даже если бы захотел, не смог бы оправдать его. Ведь Лю Цюаньфу и был настоящим негодяем.

А с негодяями можно спорить без угрызений совести.

— Я вообще-то не боюсь позора, — добавил Лю Яоцин, видя, как старик Лю медлит.

Он знал, что за одно утро можно сделать так, чтобы вся деревня узнала, что за человек Лю Цюаньфу. Пусть все обсудят это и ударят по самолюбию старика Лю, чтобы тот перестал мечтать о несбыточном, сидя дома.

— Что ты предлагаешь делать? — подумав, спросил старик Лю и вернул разговор обратно.

Только что он увидел взгляд Лю Яоцина и понял, что тот затевает что-то недоброе, поэтому решил не тянуть.

Лю Цюаньцзинь, видя, как Лю Яоцин спорит с отцом, чувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что его родной отец подавлен собственным сыном, и это ставило его в неудобное положение. В обычные дни старик Лю часто учил семью, что, что бы ты ни делал, нужно уважать старших — это основная сыновья почтительность, иначе семья распадётся.

Лю Цюаньфу слушал или нет — неизвестно, но Лю Цюаньцзинь слушал. Слышал это с детства, и это правило въелось ему в кости. Даже будучи простым крестьянином, работающим в поле, он твёрдо придерживался тех правил приличия, которые старик Лю прививал ему с малых лет.

Поэтому сейчас Лю Цюаньцзинь смотрел на Лю Яоцина очень косо. Он подал сыну знак глазом, но тот не заметил, тогда Лю Цюаньцзинь потянул его за руку.

— Я всё равно говорю то же самое: либо второй брат пишет письмо, либо приезжает сам, — reiterated Лю Яоцин.

Его дернули, он пошатнулся и чуть не ударился головой о стену, но не обратил на это внимания.

— Вторая тётя, ты хочешь поехать в городок?

Ли-ши, увидев, что Лю Яоцин чуть не ударился, поспешила подойти и защитить его. Хотя она не смела возражать тем, кто был в комнате, она волновалась за своего ребёнка и вела себя как наседка, защищающая цыплят.

Шэнь-ши перестала плакать и просто молча смотрела в одну точку. Лю Яоцин повернулся к Юй-гэру:

— Ты хочешь поехать в городок?

— Нет, не хочу. В городке я ни с кем не знаком, я хочу остаться дома и работать вместе с Цин-гэром, — ответил Юй-гэр.

Он был ещё совсем мал и не всего понимал, но чувствовал, что Лю Яоцин спорит с дедушкой и дядей ради него и его матери.

Раньше вторую семью в доме никто не замечал и не спрашивал о ней, а теперь Лю Яоцин встал на их защиту, и Юй-гэр счёл его крутым. Смутно он чувствовал, что должен брать с него пример, иначе, даже если поедет в городок к отцу, которого видит раз в год, всё равно не почувствует близости. Проку от такого отца будет немного.

— Ладно, — сказал Лю Яоцин и повернулся, чтобы выйти.

На этом дело было решено.

Когда все ушли, Лю Цюаньфу начал жаловаться:

— Отец, почему ты потакаешь Цин-гэру? Мне кажется, он становится всё более наглым, совсем не уважает старших.

Старик Лю затянулся трубкой и вздохнул:

— Раз третий сын не может с ним справиться... что я могу сделать как дед? Мои слова тоже не имеют силы.

Чтобы в доме был мир, Лю Яоцин действительно приходилось воспринимать как взрослого, а не обманывать, как ребёнка. Старик Лю чувствовал, что Лю Яоцин похож на жёсткую колючку, которая торчит в доме: случись что — он прибежит и уколёт, а если ничего не случится — всё равно найдёт повод уколоть. В любом случае он будет искать повод.

Лю Яоцин только вернулся в свою комнату, как следом вошёл Юй-гэр.

— Цин-гэр, мама сказала, что сама не хочет ехать в городок, но хочет, чтобы я поехал. Она сказала, что знает, что не умеет вести себя в обществе, просто папа так долго не вестится, и каждый раз, когда дядя ездит в городок за деньгами, он не привозит никаких вестей от него. Мама очень переживает. Цин-гэр, я не хочу ехать в городок, но мама всё время плачет...

— Через несколько дней я съезжу в городок, ты тоже поедешь, посмотрим, какой твой отец. Если захочешь остаться — останешься, а если нет — вернёмся, — просто сказал Лю Яоцин и не считал это большой проблемой.

— Но только что в главной комнате ты говорил... — недоумевающе произнёс Юй-гэр.

— Я не верю дяде, это к тебе не относится. Если дядя эти дни действительно снова поедет в городок, то тут наверняка что-то нечисто, — сказал Лю Яоцин.

Он достал из кармана кусок сахара, завёрнутый в промасленную бумагу, разломил его на части: одну для себя, одну для Юй-гэра и одну для Син-гэра.

Держа сахар во рту, Юй-гэр кивнул, хоть и не совсем понимал.

Лю Цюаньфу обычно был таким ленивым, что за порог не выходил. Городок был далеко, и он определённо поленился бы идти. Раньше он ездил в городок к Лю Цюаньюню за деньгами, и если бы там не было выгоды, он бы точно не двинулся с места. Деньги же всегда проходили через руки Лю Цюаньфу и попадали в главную комнату, остальные не знали, сколько их.

Несколько дней подряд Лю Яоцин ходил в дом Чжэцзы-гэ следить за глиняными кувшинами. Син-гэр по-прежнему никуда не ходил, а специально следил за Лю Цюаньфу. Юй-гэр ходил за Лю Яоцином и учился у него делу.

В первый день Лю Цюаньфу проспал дома весь день, а на второй, ещё до рассвета, вышел из деревни и направился в городок.

— Точно есть дело, — вздохнул Лю Яоцин. — Как раз завтра мне тоже нужно в городок. Юй-гэр, встань пораньше, мы пойдём вместе. Договорись с мамой, но чтобы никто другой не знал.

— Хорошо, — согласился Юй-гэр.

В этот раз в городок нужно было везти готовое вино из диких ягод. Если продажа пойдёт плохо, можно вернуться поздно. Лю Яоцин думал, как сказать об этом Ли-ши.

Стоило сказать Ли-ши, как Лю Цюаньцзинь наверняка узнает. Ничего не поделаешь, они муж и жена, живут вместе столько лет, а Ли-ши всегда была покорной. Лю Яоцин не рассчитывал, что она внезапно изменится и её поведение станет другим.

Подумав, Лю Яоцин пошёл в их комнату.

— Папа, мама, завтра я еду в городок, — сказал Лю Яоцин, присаживаясь на табурет.

Услышав эти слова, Лю Цюаньцзинь, который в это время перебирал траву, сразу насупился. Он не сказал ни согласия, ни несогласия, просто сидел с мрачным лицом и тёмно смотрел на Лю Яоцина.

<http://bllate.org/book/16688/1531750>